

Глава 23. Быкоголовый и Лошадиная морда (XII)

— Ты что, собственного почерка не узнаешь? — сурово бросил Цэнь Сяолу.

— Я не знаю, не знаю... — Чжан Цзэ забормотал что-то бессвязное, захлебываясь в собственном бреде. — Это не я... это не имеет ко мне отношения...

— Лу Цифэн мертв, и это тоже не имеет к тебе отношения? — Чан Я едва сдерживал гнев. Столь жалкий вид Чжан Цзэ лишь подтверждал: его совесть нечиста.

— Я не знал... я не хотел... — Услышав имя покойного, Чжан Цзэ затрясся еще сильнее. Он сжался в комок, дико размахивая руками перед собой, словно отбивался от невидимого мстителя, явившегося за его душой.

Чан Я с нескрываемым отвращением посмотрел на него и повернулся к спутнику:

— Он в ужасе. Еще немного, и он сломается.

Цэнь Сяолу молча кивнул, не сводя ледяного взгляда с поверженного на землю «великого молодого господина», от былого величия которого не осталось и следа.

— Вези его на могилу Лу Цифэна.

Чжан Цзэ пришел в «Весну в Саду Воробьев» в сопровождении слуги, но Люйнин мастерски уладила это дело: ее подопечные так усердно угощали малого вином, что тот быстро свалился под стол. Чтобы не привлекать внимания, она вывела их через черный ход, где уже ждал экипаж, заранее пригнанный слугами.

— Вы должны вернуть его до часа Свиньи, — напутствовала Люйнин, наблюдая, как Чжан Цзэ затаскивают в повозку.

Цэнь Сяолу коротко кивнул:

— Спасибо за помощь, сестра Люйнин.

Хлыст щелкнул, и маневренный экипаж сорвался с места, направляясь в сторону Ифэйло.

Чтобы пленник не поднимал шума и не сопротивлялся, Цэнь Сяолу точным ударом ладони снова отправил его в беспамятство. Внутри повозки Чан Я приглядывал за Чжан Цзэ, но стоило им миновать городские ворота Сяшюя, как он не выдержал и перебрался на козлы к Цэнь Сяолу.

Ур-р... Желудок предательски напомнил о себе. Весь день в бегах, о нормальном ужине не стоило и мечтать.

Цэнь Сяолу искоса взглянул на друга и, запустив руку за пазуху, достал небольшой сверток.

— Держи. Это пирожные из каштановой муки с османтусом.

Чан Я развернул ткань. Тонкий, медовый аромат цветов мгновенно заполнил пространство вокруг. Угощение выглядело на редкость изысканно.

— Это сестра Люйнин дала? — догадался он.

— Угу.

— Какая красота. Никогда таких не видел, — Чан Я заворуженно разглядывал маленькое лакомство на ладони. Жаль было даже кусать, но голод взял свое. Сглотнув слюну, он аккуратно разломил пирожное через ткань. — Давай пополам. Попробуем вместе.

Цэнь Сяолу хотел было отказаться, но замер. «Пополам»... Раньше Сяолянь, стоило ему раздобыть что-нибудь вкусное, всегда настаивал, чтобы они делили всё поровну. Сколько лет прошло с их последней встречи? Каким он стал теперь?

— Ну же, ешь, — поторопил Чан Я, не опуская руки. — У меня уже плечо затекло.

— Спасибо, — Цэнь Сяолу высвободил одну руку и взял свою долю.

Чан Я тут же отправил свою половинку в рот.

— Какое нежное... и до чего же ароматное!

Цэнь Сяолу обычно был равнодушен к еде — лишь бы насытиться, но этот кусочек оказался на удивление приятным. Сладкий, цветочный вкус еще долго таял на языке, оставляя после себя легкое послевкусие.

***

К тому времени, как они добрались до места погребения Лу Цифэна, тьма окончательно сгустилась. В лесной чаще изредка ухала ночная птица, и это эхо долго блуждало среди деревьев. В густой траве шуршало зверье, добавляя ночному лесу зловещей таинственности.

— Куда вы меня тащите?! — Голос Чжан Цзэ сорвался на визг.

Он пришел в себя у подножия пика Ци. Должно быть, от тряски по ухабам его растрясло: первым делом он скатился с повозки и, едва перебирая ногами, бросился в кусты, где его долго и мучительно рвало. Очистив желудок, он немного протрезвел — туман в голове рассеялся, и спесь снова полезла наружу. Стоило ему осознать, где он находится, как он принялся сыпать проклятиями и угрозами в адрес похитителей. Цэнь Сяолу даже бровью не повел. Он просто двинулся вглубь леса вместе с Чан Я. Храбрый на словах Чжан Цзэ, полыхавший праведным гневом секунду назад, тут же притих и поплелся следом.

Оказаться одному в ночном лесу, кишашем хищниками, без малейшего понятия о дороге домой? Нет уж, жизнь ему была дорога.

На его вопросы никто не отвечал. Цэнь Сяолу уверенно прокладывал путь, Чан Я шел следом, а Чжан Цзэ семенил в хвосте, затравленно озираясь по сторонам и не смея отстать ни на шаг.

Идти в темноте было тяжело. Прошло немало времени, прежде чем они вышли на старое кладбище. Когда из мрака прямо перед ним выросла могильная плита, Чжан Цзэ охнул, пошатнулся и рухнул на колени.

— Вы... вы с ума сошли! — взвыл он, но тут же прикрыл рот ладонью, боясь потревожить покойника.

Чан Я тоже было не по себе, но вид надгробия пробудил в нем гнев, который оказался сильнее страха. Он всем сердцем желал, чтобы этот человек наконец признал правду перед лицом того, кого он предал.

Цэнь Сяолу с мрачным видом подошел к Чжан Цзэ. Несмотря на то что он был гораздо моложе и в своем широком одеянии казался совсем юным, он одним движением рывком поднял здоровяка за воротник.

— Говори. Зачем ты подделал предсмертную записку Лу Цифэна? Ты причастен к его смерти?!

— А-а! Пощадите! Я не нарочно... я не хотел! — Чжан Цзэ вцепился в запястье Цэнь Сяолу. На его лбу вздулись вены, лицо побагровело от нехватки воздуха, а из глаз брызнули слезы.

— Это ты убил его, — Цэнь Сяолу сейчас напоминал выходца из преисподней. Он сжимал горло пленника, выплевывая слова, как смертные приговоры. — Мисс Шуй и Лу Цифэн любили друг друга. Ты затаил злобу и расправился с ним.

— Не-ет...

Хватка Цэнь Сяолу стала еще крепче. Чжан Цзэ захрипел, лицо его стало пунцовым.

— Да... это я... я...

— Цэнь Сяолу! — Чан Я впервые видел друга таким беспощадным. Несмотря на их близость, от этого зрелища у него по спине пробежал холодок. — Подожди. Дай ему сказать.

Цэнь Сяолу разжал пальцы. Чжан Цзэ мешком рухнул на землю, окончательно растеряв облик знатного господина. Он хватал ртом воздух, содрогаясь в рыданиях:

— Это я погубил его... Но я не хотел убивать, клянусь! Он сам, это он сам полез в петлю! Я ни при чем, я ни при чем!.. — Он ползал на коленях, то признавая вину, то тут же отрекаясь от нее. Рассудок его явно помутился.

Чан Я, опасаясь, что Цэнь Сяолу снова потеряет контроль, предложил:

— Он в полном смятении. Я попробую установить связь и направить его мысли.

Цэнь Сяолу молча кивнул и отступил в тень.

Чан Я сосредоточился, отсекая лишние мысли, и начал медленно погружаться в эмоциональный хаос Чжан Цзэ. Того захлестнула волна первобытного ужаса, перемешанная с раскаянием и животной трусостью. Сознание Чжан Цзэ металось в тупике. Когда их чувства соприкоснулись, Чан Я ощутил на себе этот мощный удар чужого страха. Его тело дрогнуло, но он устоял. Нужно было действовать решительно.

Когда человек доведен до предела собственной ложью и страхом, его разум либо ломается, либо погружается в оцепенение. Чжан Цзэ был слишком напуган; его слова противоречили инстинкту самосохранения, создавая затор в море духа. Чан Я решил применить внушение. Он должен был проникнуть в глубины моря духа, подавить внешние вспышки паники своей ментальной силой и заставить истину всплыть на поверхность.

Это было крайне опасно: внедрение, высвобождение силы, подавление — три этапа, где любая ошибка обернулась бы тяжелейшим обратным ударом по самому Чан Я. Он никогда не делал этого раньше. Оставалось надеяться лишь на то, что барьер Чжан Цзэ окажется слабее его воли.

Сконцентрировавшись, Чан Я начал высвобождать духовную энергию. Молочно-белый туман заполнил его внутренний взор, возводя незримую стену, внутри которой сознание Чжан Цзэ стало открытым и беззащитным.

— Почему Лу Цифэн повесился? — тихо спросил Чан Я.

— Потому что... потому что он сошел с ума.

— Его кто-то довел до этого?

—...Да.

— Кто?

—...Я. Это сделал я.

— Ты убил его?

—...Нет, не я! Я только велел им проучить его... Чтобы он не смел приближаться к Цинлин. Цинлин моя! Какое право он имел?! Какое?!

— Я не хотел, чтобы он умирал... Не хотел...

— Кто они? Это они заставили тебя написать записку?

— Они... они... — Море духа Чжан Цзэ вскипело. Чан Я стиснул зубы, удерживая контроль из последних сил.

— Да, это я написал! Никто не должен был заподозрить меня... Лу Цифэн лишился ума, только безумец мог залезть в петлю!

Чтобы не спровоцировать обвал в сознании пленника, Чан Я сменил тему:

— Повреждение духовного сознания мисс Шуй — это тоже твоя вина?

— Цинлин... Она просто напугана. Ей нельзя было видеться с ним. Скоро она поправится и будет со мной. Только со мной...

Духовные силы Чан Я были на исходе. Они с Цэнь Сяолу подозревали, что Лу Цифэном манипулировали. Чжан Цзэ был подлецом, но у него не хватило бы таланта для столь тонкой интриги. Нужно было узнать имена.

— Кому ты приказал «проучить» его? Кто подсказал тебе про записку?

— Это был... — Чжан Цзэ не успел договорить.

Внезапно мощный духовный импульс ворвался в пространство их связи, буквально разрубая ее пополам. Чан Я содрогнулся от резкого разрыва; в голове загудело, словно от удара колокола. В последнее мгновение он успел выбросить остатки сил, чтобы защитить море духа Чжан Цзэ от коллапса, который неминуемо последовал бы за таким грубым вмешательством.

В лесу зашумела листва. Цэнь Сяолу мгновенно почувял опасность. С коротким свистом из темноты вылетела стрела с холодным стальным наконечником. Она пронеслась в дюйме от его уха и с глухим стуком вонзилась в ствол дерева, срезав прядь его волос. Он прищурился, кинжал привычно скользнул в ладонь.

Чан Я без сил рухнул на колени. Чжан Цзэ, так и не договорив, закатил глаза и свалился замертво — то ли в глубоком обмороке, то ли в беспямятстве. Цэнь Сяолу успел подхватить падающего Чан Я. По подбородку лекаря стекала тонкая струйка крови.

— Цэнь... — прошептал Чан Я и окончательно потерял сознание.

<http://bllate.org/book/17545/1713063>